

Город и города Евгения Куманькова

...Эти мемуарные заметки «По поводу...» народного художника России Евгения Куманькова. Смолянин по рождению, он приехал в столицу перед войной, поступил на художественное отделение Киноинститута, воевал в московском ополчении и один из немногих в своем поколении остался жить, став со временем знаменитым кинохудожником, живописцем, графиком.

...Евгений Куманьков пишет: «Как ни пытаюсь, не могу объяснить моё пристрастие к городскому пейзажу, его истоки. Помню лишь одно: чем дальше, тем острее и острее я стал чувствовать и понимать, что дом – это не просто строение, что он – след человека, его биографии, его душа, его отголосок, память о нём, наконец. Что дома не похожи один на другой, и чем больше их непохожесть, тем они любопытнее. Дома несут в себе характеры, биографии, неуловимые особенности, нравы, принадлежности. Наблюдать эти особенности и любоваться ими так же интересно, как наблюдать человеческие лица. А «лица» старых домов интересны особенно, так как они несут на себе отпечатки большого сложного опыта, необыкновенных судеб и особенной непохожести. И как нет двух одинаковых лиц (даже у близнецов), нет двух одинаковых домов (даже в Черёмушках). Наблюдать эти непохожести для меня радость. Тут я уподобляюсь Мечтателю из «Белых ночей» Достоевского, с тою лишь разницей, что тот не спеша прогуливался по петербургским набережным, а я почему-то всё время бегу...»

Как тут не вспомнить строчки Николая Заболоцкого, трактующие об этой же тайне запечатлённого бытия, но увиденной, осмысленной как бы с противоположного берега:

*Есть лица подобные тяжким порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица – подобию жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мёртвые лица
Закрыты решётками, словно темница.
Другие – как башни, в которых давно
Никто не живёт и не смотрит в окно...*

Вообще, должно сказать, что искусство Евгения Куманькова чрезвычайно литературно. Я, конечно, понимаю, что с точки зрения внутрицеховой этики высказал смертельно опасный комплимент, ибо под литературностью часто подразумевается стремление художника «жанровостью», культурологическими аллюзиями возместить дефицит изобразительности. Но я говорю о совсем другой литературности. Куманькову нечего возмещать – он выдающийся мастер в своём деле. Кстати, на мой взгляд, в искусстве есть единственный способ самовыражения – через мастерство.

Но вернёмся к литературности Куманькова. Он художник глубокой и разносторонней культуры, воспитанный на идеях великой русской литературы, умеющей вместить «как» в «зачем», а не наоборот. Задача, с которой, кстати, не справились иные западные литературы. Его живопись и

графика, помимо созерцательного счастья, вызывают в душе настоящий ассоциативный взрыв, своего рода внутреннее озарение.

...Когда смотрю на давнюю, 59-го года, пастель Куманькова «Первая зелень» (Плотников переулок)», то чувствую как на глаза наворачиваются слёзы. Наверно, потому что сам вырос в Балакиревском переулке, где тогда ещё сохранились вот такие же купеческие особняки – с каменным первым и деревянным вторым этажом, – украшенные резными наличниками. Сохранились ещё и высокие дощатые заборы, из-за которых поднимались старые липы и вязы. А у ворот нашего особняка, отданного под заводское общежитие, стояла на приколе точно такая же «Победа», единственная на весь переулок.

*Как неярким апрелем припрятанный снег
От лучей посторонних
Я ищу девятнадцатый век
В подворотнях.
Старый дом. В нём уже не зажжется окно.
Новоселье – поминки.
Мне шагать через век. От Бородино
До Ходынки.
Есть в модерне какой-то предсмертный надлом.
Переулки кривые.
Революция за поворотом. Потом сороковые.
Где-то рядом автомобили трубят.
И дрожит мостовая.
Мне в глаза ударяет стеклянный Арбат.
Я глаза закрываю...*

Юрий Поляков
(из вступительной статьи к альбому Евгения Куманькова
«Москва! Святая Родина моя!», Москва, 2006 г.)